

Аркадий Аверченко: предъюбилейное

УДК 821.161.1 : 82-92

Николаев Дмитрий Дмитриевич

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья,
Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук;
Российская Федерация, Москва, e-mail: DDnikolaev@mail.ru

РАССКАЗ А. Т. АВЕРЧЕНКО «БЕЗ ПОЧВЫ» И ЖУРНАЛ «СКЕТИНГ-РИНГ»: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ

В статье поэтика рассказа А. Т. Аверченко «Без почвы» (1910) рассматривается в контексте выявленной первой публикации в журнале «Скетинг-ринг». Анализируется связь текста с традициями русской юмористической литературы и другими произведениями о скетинг-рингах, а также общим восприятием скетинг-ринга как одного из значимых социокультурных маркёров жизни России начала XX века.

Ключевые слова: Аверченко, поэтика, комическое, юмор, «Скетинг-ринг».

Dmitry D. Nikolaev

Grand PhD in Philology sciences, Leading Researcher
Department of the newest Russian literature and Russian literature in Exile,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Russian Federation Moscow

AVERCHENKO'S STORY «WITHOUT SOIL» (IN RUSSIAN «BEZ POCHVY») AND «SKATING-RINK» JOURNAL: POETICS AND CONTEXT

Abstract. *In the article, poetics in Averchenko's story «Without soil» (in Russian «Bez pochvy») written in 1910 is considered in the context of his first publication in the «Skating-rink» journal. The author examines the connection with Averchenko's text and traditions of Russian humorous literature, other texts about skating-rinks as well as the common skating-rink perception as one of the significant social and cultural markers of Russian life in the early twentieth century.*

Key words: Averchenko, poetics, comic, humor, «Skating-rink».

Для цитирования:

Николаев, Д. Д. Рассказ А. Т. Аверченко «Без почвы» и журнал «Скетинг-ринг»: поэтика и контекст // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 18–31.

В России «скетинг-ринг»¹ становится в предоктябрьское десятилетие неотъемлемой частью столичной жизни: «Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским», — так описывал это время Алексей Толстой в романе «Хождение по мукам» [17, с. 8–9]. Борис Пастернак, называя российские столицы «царством танго и скетинг-рингов» [10, с. 228], противопоставляет им глухие углы провинциального захолустья, но до многих провинциальных городов мода на скетинг-ринги дошла раньше, чем до Москвы. «Скетинг-ринг... Это самое последнее слово моды, даже не слово, а вопль! — писала московская газета «Руль» 1 февраля 1910 года. — Скетинг-ринг в этом году сделал триумфальное шествие по нашей провинции. Киев, Одесса, Харьков уже отдали дань скетинг-рингу. Теперь пришла очередь и за Москвой» [13, с. 3].

Пик популярности скетинг-рингов приходится именно на 1910 год. В Санкт-Петербурге работало сразу несколько больших катков. «Если хотите быть изящными и грациозными, катайтесь на колесных коньках!» — гласило рекламное объявление, публиковавшееся на первой странице газеты «Речь» [11, с. 1]. Оно призывало посещать Скетинг-ринг на Кронверкском проспекте в Петербурге. В апреле 1910 года открылся оборудованный «по последнему Парижскому образцу» каток в здании во дворе «дома М. И. Лопатина» (Невский проспект, 100). А в декабре того же года товарищество «Роэль-Ринкерс» завершило строительство «Американского скетинг-ринга» на Марсовом поле.

Скетинг-ринги были не просто катками, а, как сейчас бы это назвали, центрами развлечений. В рекламном объявлении Невского Скетинг-ринга сообщалось: «Полный комфорт. Художественная отделка. Ярус лож для публики. Прокат лучших американских коньков. Масса воздуха и света». В каждом скетинг-ринге к услугам посетителей были буфеты, а во второй половине дня в зале играл оркестр. В Скетинг-ринге на Кронверкском по четвергам устраивались *Seances de Gala*, во время которых выступали даже два оркестра. Во дворе «Скетинга» на Невском были места для стоянки экипажей и автомобилей гг. посетителей. На скетинг-рингах обязательно предоставляли коньки напрокат и организовывали обучение катанию.

Выходили и специальные учебные пособия для желающих освоить новое развлечение или новый спорт — к катанию на колесных коньках многие относились как к спортивной дисциплине. О том, насколько по-разному

¹ Здесь и далее в цитатах и названиях произведений, книг, периодических изданий используется современное написание «скетинг-ринг». В оригинале в большинстве случаев использовалось написание «скэтинг-ринк».

рассматривалось увлечение скетинг-рингом, можно судить по содержанию книг, выпущенных в 1910 году. В Одессе руководство и правила «Скетинг-ринг», составленные по немецким источникам Л. С. Можаровским, были изданы в «Библиотеке спортсмена» [15]. А в Санкт-Петербурге вышли иллюстрированный самоучитель изящной и фигурной езды на роликах «Скетинг-ринг» [14] и сборник «Скетинг-ринг и его общественное значение» [13].

«Скетинг-ринги» во многом определяли атмосферу эпохи. Не случайно К. Чуковский в статье, вошедшей в его книгу «Лица и маски» (СПб.: Шиповник, 1914), писал про Игоря Северянина: «Не только темы и образы, но и все его вкусы, приёмы, самый метод его мышления, самый стиль его творчества определяются веерами, шампанским, ресторанами, бриллиантами. Его стих, остроумный, кокетливо-пикантный, жеманный, жантильный, весь как бы пропитан этим воздухом бара, журфикса, кабаре, скетинг-ринга» [20, с. 95]. А в 1938 году Орест Цехновицер повторял слова Чуковского без кавычек и всяких ссылок на источник: «Весь стиль северянинского творчества определяется шампанским, ресторанами, бриллиантами Тэта и веерами. Не зря его стих пропитан этим воздухом бара, журфикса, кабаре и скетинг-ринга» [19, с. 47].

Можно было бы ожидать, что столь популярное развлечение оставит заметный след в литературе того времени. Однако на страницах литературных произведений скетинг-ринги появляются не слишком часто. Наиболее известными являются стихотворение Валерия Брюсова «На скетинге», опубликованное в сборнике «Стихи Нелли» в 1913 году, и «СКЭТинг РИН» Василия Каменского — одна из его «железобетонных поэм», изданных Д. Д. Бурлюком в 1914 году. Годом позже «Скетинг-ринг» К. Н. Мазурина печатается на страницах «Жатвы» (Жатва: Вестник литературы. Книга VI–VII. М., 1915).

В прозе — и русской, и переводной — скетинг-ринг изображался чаще всего как место встреч героев. В 1911 году в Петербурге выходит небольшая книжечка итальянской писательницы Марии Торелли-Виолье «Скетинг-ринг: Рассказ маркизы Коломби» [18]. У М. Кузмина в «Мечтателях» Владимир Сергеевич Мейер ходит на скетинг на Марсовом поле, чтобы увидеть там незнакомку, а Андрей Иванович Толстой получает записку с просьбой о встрече на скетинге: «Не зная вас, но много слышав, убедительно прошу не отказать мне в свидании. Лучше в нейтральном месте. Дело очень важное. Поверьте, это не авантюра. Приезжайте завтра в 5 1/2 в скетинг на Марсовом поле. Я буду в лиловом платье с мехом, шляпа с большим серым пером, у пояса фиалки. Поверьте, что вы не раскаетесь, согласившись на мою просьбу. Покуда нет надобности знать моё имя» [5, с. 287–288]. Там же, на скетинге, в пять часов назначают друг другу мнимое свидание Александра Львовна и Рудечкин. Сашенька затем ходит на скетинг, надеясь встретить там Толстого, но видит

только Мейера, который ходит за ней по пятам. И позже Толстой в разговоре с Мейером именуется Сашеньку именно «незнакомкой со скетинга» [Там же, с. 338]. Алиса Дорэ в романе Альфонса Додэ «Сафо» в переводе Ал. Чеботаревской была подобрана Дешелеттом «на асфальтовом полу скетинга» [4, с. 338].

Можно назвать ещё куплеты «Скетинг-ринг» (музыка Ю. Рик; слова П. П. Дюваль), изданные в 1911 году, а также упоминания скетинг-рингов у А. Амфитеатрова, В. Гофмана, Н. Гумилёва, В. Парнаха и др., но анализ образа скетинг-ринга не входит в задачу данной статьи. Отметим только, что, как правило, скетинг-ринг предстаёт как место флирта, арена своего рода современного маскарада, где страсти разгораются и гаснут в бесконечном движении по кругу.

Как место, где завязываются или развиваются любовные интриги, предстаёт скетинг-ринг и в творчестве Аркадия Аверченко. В рассказе «Петухов» высокая красивая брюнетка, с которой главный герой знакомится в театре, сообщает ему, что «теперь каждый почти день» бывает в скетинг-ринге. На следующий день Петухов встречает там свою новую знакомую: «Петухов обвил рукой талию Ольги Карловны и понесся с ней по скользкому блестящему асфальту.

И, прижимая её к себе, он чувствовал, как часто-часто под его рукой билось её сердце» [2, с. 162]².

Скетинг-ринг в этом рассказе показывается как один из элементов столичной «светской» жизни, наряду с театром, синематографом, ресторанами. А в романе «Шутка Мецената» Муся рассказывает, что бросила курсы из-за Гришки, который был инструктором на скетинге [3, с. 169].

На этом фоне выделяется — и среди произведений Аверченко, и вообще среди сочинений, в которых упоминаются скетинг-ринги, — рассказ «Без почвы», вошедший в самую популярную до революции книгу Аверченко «Весёлые устрицы: Юмористические рассказы» (1910). Сборник этот отличался тем, что был составлен из произведений, не публиковавшихся на страницах «Сатириконе». Когда в «Сатириконе» впервые появились сведения о готовящемся издании — а произошло это 3 июля 1910 года — в объявлении особо отмечалось, что «в книгу „Весёлые устрицы“ не вошёл ни один из рассказов Арк. Аверченко, напечатанных в „Сатириконе“» (№ 27, 3 июля, с. 11). О том, что книга издана и поступила в продажу, «Сатириконе» сообщил 31 июля 1910 года (№ 31, с. 13). Сборник составили «Автобиография» и 32 рассказа,

² Впервые: Сатириконе. 1910. № 25. 19 июня. С. 6–8.

распределённые по трём разделам: I. В свободной России; II. Около искусства; III. Мои улыбки.

Первоначально Аверченко собирался назвать книгу «Одесские рассказы». Информация об этом появилась в пасхальном номере «Одесских Новостей» 18 апреля (5 мая) 1910 года в связи с публикацией юмористической автобиографии, предназначенной для будущей книги (№ 8094, с. 4). Затем название сборника было изменено, но основу его по-прежнему составляли «одесские» рассказы и фельетоны. Определение «одесские» связано в данном случае главным образом не с местом действия или написания произведений, а с местом их первой публикации. Большинство рассказов, вошедших в книгу, впервые печатались в газете «Одесские Новости» [9]. Однако появление в печати рассказа «Без почвы», в отличие от многих других вошедших в сборник произведений, связано не с одесским, а со столичным изданием — с журналом «Скетинг-ринг». Этот журнал лишь изредка упоминается в исследовательской литературе в связи с воспоминаниями А. М. Ремизова о том, как ему приходилось «околачиваться» в «Скетинг-ринге» и «Всемирной панораме», пока он с трудом выбивался в «писатели». Между тем, «Скетинг-ринг», несмотря на его недолговечность, представляет собой весьма примечательное явление в русской периодике начала XX века, поскольку в нём общей темой были объединены не только рекламные, информационные и спортивные материалы, но и значительная часть литературно-художественного раздела. Причём тема эта была достаточно узкой и соответствовала названию журнала, которое носило не образный, как можно предположить, не зная содержания номеров, а вполне конкретный и даже рекламный характер.

Учредителем журнала являлся В. В. Татаринов. Вначале предполагалось, что Татаринов выступит только в качестве издателя, а редактором будет Л. В. Бобин, но в итоге Татаринову пришлось взять на себя обе функции: он значился издателем-редактором.

Братья Владимир и Вениамин Татариновы были хорошо известны в предреволюционной России. Именно о них вспомнил В. Каверин, выбирая фамилию братьев Татариновых в романе «Два капитана», — это станет предметом рассмотрения в отдельной статье. Владимир Валерианович Татаринов был известным инженером, изобретателем системы беспоршневых прессов. Главным же его проектом, получившим скандальную известность на рубеже 1910-х гг., является так и не увенчавшаяся успехом работа над летательным аппаратом «Аэромобиль», на которую он получил существенную субсидию. Братья занимались и предпринимательством. Товарищество В. В. Татаринова производило гидравлические и воздушные прессы для заводов, железных дорог, нефтяной промышленности, сельского хозяйства, химических лабораторий и др. А кроме того Татаринов был основателем того

самого первого столичного скетинг-ринга на Кронверкском проспекте, о котором говорилось выше. Появление же журнала было приурочено к открытию в Петербурге скетинг-ринга, созданного товариществом «Невский Скетинг-ринг» и начавшего работу под Пасху в субботу 17 (28) апреля 1910 года.

Растущая популярность скетинг-рингов навела Татаринова на мысль наладить в России производство колесных коньков, прежде доставляемых из-за границы. Журнал должен был помочь привлечь оптовых покупателей и в целом стимулировать спрос на продукцию готовящейся к открытию первой в России фабрики колесных коньков В. В. Татаринова. Кроме того, Татаринов предлагал услуги по организации в разных городах скетинг-рингов. В Петербурге им было открыто Центральное бюро по организации скетинг-рингов в России, которое зазывало инвесторов, желающих выгодно разместить капитал. Вложения в скетинг-ринги, по уверению Татаринова, приносили огромную прибыль — не менее 45%. Правда, и суммы для этого требовались немалые. На каждый из двух проектируемых для столиц скетинг-рингов нужно было привлечь по 500 000 рублей. Бюро, впрочем, предлагало строить и более дешёвые «малые скетинги» в провинции.

Скетинг-ринги, действительно, приносили хороший доход. В скетинг-ринге на Кронверкском ежедневно было три сеанса: утренний (с 11–00 до 13–30), дневной (с 15–00 до 18–00) и вечерний (с 20–00 и до полуночи). Билеты на вечерний сеанс, который был самым продолжительным по времени, и стоили дороже: если утром и днём за вход изначально брали по 55 коп., то вечером — 1 рубль 10 коп. Затем цены чуть снизились — днём вход стоил 50 коп., а вечером — 1 рубль. В дни, когда устраивались гала-представления, билеты стоили днём 1 рубль 10 коп., а вечером — 2 рубля 10 коп. В скетинг-ринге на Невском сначала вообще устраивали четыре сеанса в день (с 10–30 до 13–00, с 13–30 до 16–00, с 17–00 до 19–30 и с 20–30 до полуночи). На первые три сеанса можно было попасть за 75 коп. (дети и учащиеся платили меньше — 32 коп.), а вечерний сеанс стоил как на Кронверкском — 1 рубль 10 коп. Правда, возникшая в 1910 году серьёзная конкуренция привела к тому, что на Невском оставили лишь три сеанса, а в летний сезон посещение утром вообще сделали бесплатным. Посетители оплачивали время пребывания на катке. Но доход приносили не только плата за вход, но и прокат коньков.

Новый журнал должен был, с одной стороны, показать потенциальным инвесторам хорошие перспективы скетинг-рингов, а с другой — привлечь на катки широкую публику. Поэтому еженедельник задумывался не как узкоспециализированное издание, а как спортивный литературно-художественный и юмористический журнал с участием известных писателей и художников. Рисунки для обложек первых номеров исполнил А. А. Юнгер. А в юмористическом и литературном отделах главную ставку сделали на

публикации Аркадия Аверченко и Александра Куприна. Рассказ Аверченко должен был стать «гвоздём» первого номера журнала, а Куприна — второго.

Организовали и рекламу будущего издания: она привлекала внимание не только к журналу, но и к скетинг-рингам в целом. Объявление о скором появлении нового столичного издания газета «Речь» опубликовала 6 (19) марта 1910 года на самом видном месте — непосредственно под заголовком на первой странице (№ 63 (1301), с. 1). В заявленном списке сотрудников первым (по алфавиту) среди литераторов стоял Аркадий Аверченко. В числе авторов будущего издания назывались Л. И. Андрусон, М. П. Арцыбашев, Александр Блок, Л. М. Василевский, Яков Годин, Виктор Гофман, И. Гуревич, А. И. Куприн, С. Маршак (под своим именем и под псевдонимом Д-р Фрикен), Н. Е. Попов, Самуэли Раев, Александр Рославлев, В. В. Татаринов, Тэффи, П. Д. Успенский, С. Б. Фрид, Д. Цензор. Среди художников значились Влад. Арнольд, М. В. Добужинский, Г. К. Лукомский, Дм. Митрохин, Н. Ремизов (Ре-Ми), А. А. Юнгер. Отдельно перечисляли и тех, кто примет участие в отделе «Спорт» (Атилла, Марк Басанин, Домби, Иректэ, А. И. Леман, Г. М. Немировский, Симпман-Вамбола, А. А. Скибневский, В. К. Соловьёв). Уже по списку сотрудников было понятно, что в юмористическом отделе Татаринов решил ориентироваться на круг «сатириконцев» — и среди художников, и среди писателей.

Первый номер журнала поступил в продажу в субботу, 7 (20) апреля 1910 года. Экземпляр стоил в Петербурге 10 коп., а в Москве и в провинции — 12 коп. (Обратим внимание попутно, что в те же дни вышла и первая книга Аркадия Аверченко — «Юмористические рассказы», изданная в Санкт-Петербурге М. Г. Корнфельдом).

Разумеется, не все из перечисленных в объявлении авторов реально дали согласие работать в журнале: издатели в то время часто выдавали желаемое за действительное, чтобы придать больший вес своему начинанию. Помещённый в первом номере журнала список сотрудников отличался от заявленного в рекламном объявлении. В нём не было Андрусона, Арцыбашева, Попова и Успенского, их заменили И. М. Василевский (Не-Буква), М. А. Кузмин и Алексей Ремизов. Из отдела «Спорт» исчезли Марк Басанин, Домби, Иректэ и Скибневский, зато в нём появились новые фамилии — в том числе тех, кто прежде значился только в списках художников и литераторов (В. М. Арнольда, К. К. Викторова, А. И. Куприна, М. И. Пиноса, В. В. Татаринова и др.).

Открывался номер статьёй «Скетинг-ринг», подписанной инициалами М. П. [М. И. Пинос?]. В ней читателям объяснялось, какими темпами развивается строительство скетинг-рингов в Англии. Сообщалось, что год назад их было 20, а теперь уже — 500. Излагалась в статье и краткая история скетинг-рингов — от получения патента на колёсные коньки в 1819 году во

Франции и открытия первого катка в Брайтоне 35 лет назад до планов постройки в ближайшее время в Лондоне грандиозного скетинг-ринга, рассчитанного на 5 000 человек, стоимость возведения которого достигает 150 000 фунтов стерлингов. Автор статьи рассказывал о популярности скетинг-рингов во многих странах мира — от Америки до Китая, о разных обычаях, существующих на катках, об используемых для удобства посетителей технических новшествах: «Когда приходится иметь дело с большой массой разнородной публики, для сигнализации пользуются электрическим светом. В антрактах распоряжения даются светящимися буквами на одном из концов арены, напр.: „Общее Катание“. Или: „Дамы и кавалеры с партнёрами“. Кто после этого сигнала не может найти себе партнёра, должен предоставить поле счастливым парам. Внезапно вспыхивает новый сигнал: „Специальное Катанье“ — это значит, что поле должно быть очищено для специалистов по фигурному катанию» [7].

В статье отмечалось, что катание на колёсных коньках существенно отличается от катанья по льду и предоставляет больше возможностей спортсменам. Здесь получаются фигуры, которые нельзя исполнить на льду: качающаяся платформа позволяет описывать кривые, касаясь поля всеми четырьмя колесиками конька и не рискуя потерять равновесие. Автор статьи утверждал, что на скетинг-ринге возможны все спортивные игры, в том числе крикетные матчи, и разные детские забавы: «Мальчики играют на коньках в чехарду, а девочки проделывают прыжки через веревочку» [Там же].

Катание на колёсных коньках редакцией журнала в целом рассматривалось не столько как развлечение, сколько как спорт. Даже занимавшее целую полосу рекламное объявление скетинг-ринга Татарина на Кронверкском проспекте начиналось восклицанием: «Открыт новый спорт в С.-Петербурге: катанье на колёсных коньках!» В первом номере рассказывалось о ринг-хоккее, о чемпионе мире конькобежце Дэвидсоне, одновременно являющимся и рекордсменом в прыжках в высоту на колёсных коньках, во втором — о поло на колёсных коньках³.

Если говорить о художественных произведениях, то этот раздел в первом номере и, соответственно, в журнале в целом открывался рассказом Аркадия Аверченко «Без почвы» [1, с. 8–9] Кроме того, в первом номере были напечатаны стихотворения «Скетинг-ринг» и «Весенние предчувствия» С. Маршака (под псевдонимом Д-р Фрикен), «Счастье» Д. Цензора, «Мотылёк» Я. Година, басня «Шантеклер» С. Раева, и прозаические «Басня» М. Твена,

³ Публиковались материалы и о других видах спорта, и о воздухоплавании, однако в данной статье мы не будем останавливаться на них подробно, хотя они представляют несомненный интерес, поскольку Татарин сыграл важную роль в пропаганде и развитии авиации в России.

народная сказка «Гость» А. Ремизова, зарисовки «В салон вагоне» Димерьяныча и «Восточные впечатления» Д.

Во втором номере главным литературным материалом являлся анонсированный заранее рассказ А. И. Куприна «Мученик моды» (с. 10–11). В спортивном разделе редакция поместила очерк А. Конан Дойля «О спорте». Также были напечатаны стихотворения «Весенняя затаённость» Тэффи, «Как будто поезд перенёс...» С. Маршака, «В потоке встречных глаз искать глазами...» М. Кузмина, «Весенние вирши» В. Князева, народная сказка А. Ремизова «Суженая», зарисовка Димерляныча «Отдых» и рисунок К. Евсеева с стихотворной подписью Л. Л. «В маскараде».

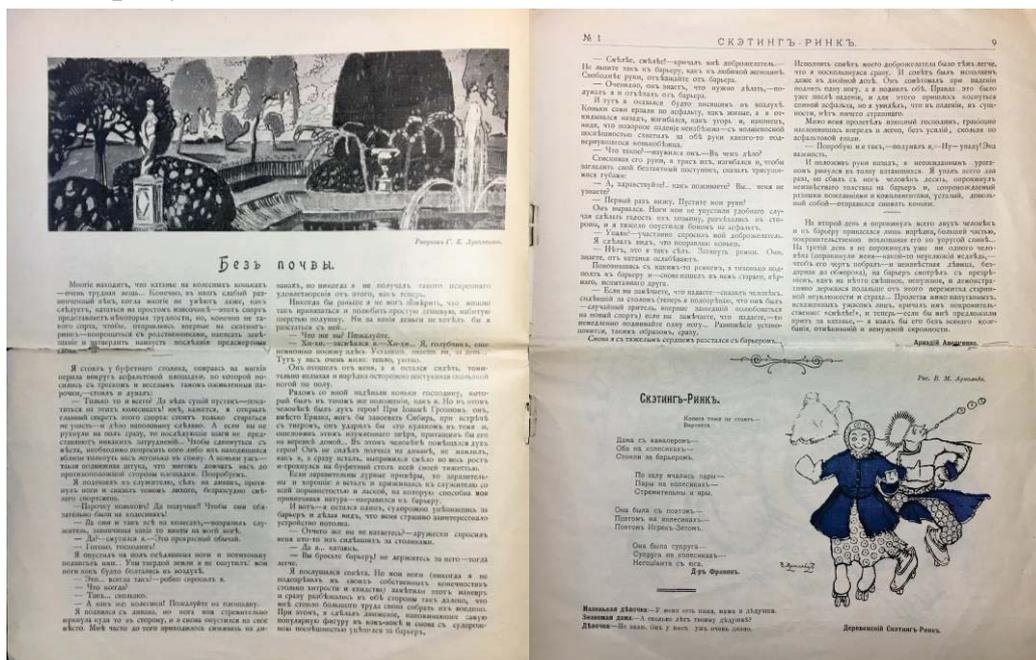
Из иллюстративных материалов журнала помимо обложек А. А. Юнгера отметим рисунки Г. К. Лукомского и Д. И. Митрохина, шарж В. М. Арнольда «Охота на Куприна» и главное — два рисунка в первом номере на тему издания: «Деревенский скетинг-ринг» В. М. Арнольда на с. 9 и «Безопасный спорт» Ре-Ми на задней странице обложки.

Выше уже отмечалось, что редакция «Скетинг-ринга» стремилась объединить темой журнала бóльшую часть материалов номера. В журнале печатались и произведения, никакого отношения к катанию на коньках не имеющие, — например, «народные сказки» Ремизова. Но многие тексты были связаны с происходящим на скетинг-рингах или напрямую (стихотворение Маршака «Скетинг-ринг», рассказы Аверченко и Куприна), или опосредовано. Произведения на «маскарадную» и любовную тематику прямо соотносились с образом скетинг-ринга как спортивной арены и арены флирта одновременно. Интересно в связи с этим проследить «трансформации» стихотворения Кузмина, текст которого в журнальном варианте отличается от того, что затем был помещён во второй книге стихов «Осенние озера». В журнальном тексте в первой строке был «поток встречных глаз», а не «лиц», как в книжном варианте (что обуславливает и разночтения в названии, даваемом по первой строке), сердце было «покорено», а не «побеждено», а в заключительном четверостишии (в журнале они печатались с разбивкой) в строке «В потоке тех же лиц одно лицо» повторяется определение из первой строки: «В потоке встречных лиц одно лицо». Но самое главное, что среди различий есть и прямо обусловленное журнальной связью стихотворения с скетинг-рингом. В строке «И каждый день на тот же путь вступая» вместо слова «путь» в журнале использовано слово «круг», так что читателями стихотворение связывалось с круговым движением на скетинг-ринге: «И каждый день на тот же круг вступая, // Забывши ночь, протекшую без сна, // Я встречи жду, стремясь и убегая, // Не слыша, что кругом звенит весна» (№ 2, с. 13).

Рассказ Аверченко заметно выделяется и на фоне произведений, связанных с темой скетинг-ринга, поскольку по своему содержанию точно

соответствует рекламно-спортивной установке издания. При этом Аверченко не подстраивался под стиль и задачи журнала: скорее надо говорить о правильном выборе редакцией автора главного текста номера.

Уже в самом начале рассказа Аверченко называет катанье на колесных коньках спортом, который «представляет некоторые трудности». А оптимистический финал рассказа показывает, что эти «некоторые трудности» с лёгкостью преодолеваются человеком целеустремленным, даже если изначально он вообще не умеет стоять на коньках. С рекламной точки зрения «Без почвы» можно назвать текстом, близким к идеальному: он помогал развеять сомнения тех, кто не умел кататься, показывая, что этому можно научиться быстро и без особых проблем. Выбранная писателем юмористическая точка зрения, как это на первый взгляд ни парадоксально, снимала опасения и тех, кто боялся показаться на катке смешным. Дело в том, что в рассказе Аверченко никто из окружающих не смеётся над не умеющим кататься героем. В тексте высмеивалась прежде всего самоуверенность начинающего спортсмена: «Только-то и всего? Да ведь суший пустяк — покатиться на этих колёсиках! Мне кажется, я открыл главный секрет этого спорта: стоит только стараться не упасть — и дело наполовину сделано. А если вы не рухнули на пол сразу, то последующие шаги не представляют никаких затруднений... Чтобы сдвинуться с места, необходимо попросить кого-либо из находящихся вблизи толкнуть вас логонько в спину. А коньки уж — такая подвижная штука, что мигом домчат вас до противоположной стороны площадки. Попробуем» [1, с. 8].

Публикация рассказа А. Аверченко «Без почвы» в журнале «Скетинг-ринг», 1910.

Аверченко максимально привлекательно описывает сам скетинг-ринг: диван, буфет, мягкие перила вокруг асфальтовой площадки, по которой носятся «с треском и весёлым гамом оживлённые парочки», служитель, помогающий закрепить коньки на ноге... Посетители скетинг-ринга — совершенно разные люди, среди них и изящный господин, который, грациозно наклонившись вперёд, легко и без усилий скользит по асфальтовой глади, и толстяк, и девица, и ещё один начинающий спортсмен, в котором «помещался дух героя».

Особо стоит выделить дающего советы повествователю доброжелателя, сидящего за буфетным столиком: «<...> теперь я подозреваю, что он был — случайный зритель, впервые зашедший полюбоваться на новый спорт» [1, с. 9]. Аверченко показывает, что скетинг-ринг — отличное место развлечения и для сторонних наблюдателей, что можно вовсе не кататься, а просто получать удовольствие, наблюдая за происходящим на катке. Обратим внимание на использованную автором формулировку: «полюбоваться на новый спорт».

В небольшом рассказе Аверченко создаёт несколько комических характеров, и один из них — повествователя — даётся в развитии. Изменения связаны не только с происходящим на наших глазах переосмыслением отношения к катанию (легко — трудно — легко), но и с изменением самого статуса повествователя. Из ничего не умеющего самонадеянного новичка он за три дня превращается в опытного, уверенного в себе спортсмена.

Композиционно трансформации «легко — трудно» и «трудно — легко» не равнозначны. Повествовательное время рассказа охватывает три дня на катке, и основная часть текста отведена первому, когда происходит трансформация «легко — трудно». Ничто из произошедшего в первый день не предвещает грядущих разительных перемен: «На второй день я опрокинул всего двух человек и к барьеру прикасался лишь изредка, большей частью покровительственно хлопывая его по упругой спине... На третий день я не опрокинул уже ни одного человека (опрокинули меня — какой-то неуклюжий медведь, — чтоб его чёрт побрал, — и неизвестная девица, бездарная до обморока), на барьер смотрел с презрением, как на нечто смешное, ненужное, и демонстративно держался подальше от этого пережитка старинной неуклюжести и страха... Пролетая мимо напуганных, искажённых ужасом лиц, кричал им покровительственно: „смелее!“, и теперь — если бы мне предложили приз за катанье, — я взял бы его без всякого колебания, отнекиваний и ненужной скромности» [1, с. 9].

Подобный контрастно-оптимистический финал можно было бы рассматривать как отражение авторского стремления адаптировать текст к рекламным задачам журнала, если бы он не соответствовал одной из излюбленных писателем моделей композиционного построения рассказа, а

образ главного героя не вписывался бы в целую галерею созданных Аверченко подобных образов [8]. На эту особенность творчества Аверченко указывал Влад. Азов в рецензии⁴ на сборник «Весёлые устрицы», куда, напомним, вошёл и рассказ «Без почвы»: «Россия стала здороветь, русские люди стали вылезать из своих футляров, русские юноши начали играть в футбол. <...> Мы поняли, что все жанры хороши, кроме скучного, и крылатое словечко, дерзкая шутка, задорная выходка не кажутся нам кощунственными. Ах, нам надо поправиться здоровьем, а смех так хорошо отвлекает мысли от терзающей нас зубной боли. <...> Лучше всего удаются Аверченко рассказы о несуществующих, конечно, в русской природе „настоящих парнях“ — о беспечной молодежи, любящей смех и шутку, дерзкой, задорной, неунывающей, скорой на выдумку и на выпивку» [Цит. по: 16, с. 382].

С точки зрения мотивного контекста рассказ Аверченко является развитием литературной традиции, связанной с изображением в юмористике обычных — ледяных — катков. Первичным источником комизма становится нерешительность и падения новичка, а вторичным — его самонадеянность. Целый ряд использованных Аверченко мотивов мы находим, например, в рассказе Н. А. Лейкина «Около конькобежцев»: «На Фонтанке, на ледяном катке гремит оркестр военной музыки, под звуки которого маленькие и взрослые конькобежцы то клюют носом, падая на четвереньки, то отважно жертвуют затылком, растягиваясь навзничь. Есть и великие искусники в деле бегания на коньках. Посредственности как-то ступшевываются. Катающихся довольно много, но ещё больше смотрящих на катающихся» [6, с. 142]. У Лейкина есть и падения, и «великие искусники», и зрители...

Модель, когда герой следует советам ничего на самом деле не понимающего в происходящем досужего наблюдателя, не раз встречается и у самого Аверченко: достаточно вспомнить рассказ «Специалист» или носивший программный характер рассказ «Мальчик с затёкшим глазом», впервые опубликованный, кстати, уже после рассказа «Без почвы». Ключевой приём повествовательной реализации комического образа начинающего спортсмена в рассказе «Без почвы» — это ноги и коньки, словно отделенные от катающегося и живущие собственной жизнью. Аналогичным образом они разделены и в опубликованных в том же номере журнала анонимных «Советах начинающим кататься», которые и в целом перекликаются с рассказом Аверченко:

«Если вы чувствуете, что ваши ноги расходятся в разные стороны, — зовите на помощь.

⁴ Впервые: Речь. 1910. № 265 (1503). 27 сентября (10 октября). С. 3.

— Ни в коем случае не пытайтесь следовать за своими ногами.

— Если вы чувствуете, что падаете, — обнимите ближайшего конькобежца, и вы упадёте вместе.

— Помните, что самое важное при катании на колёсных коньках — удержаться на ногах» (№ 1, с. 11).

Хотя в журнальном контексте рассказ Аверченко и воспринимался как носящий конкретно-рекламный характер, связь с скетинг-рингами достигалась в нём в основном за счёт внешних по отношению к комической ситуации и комическим образам элементов. Само название «скетинг-ринг» у Аверченко использовано только во вступительном фрагменте: «Многие находят, что катанье на колёсных коньках — очень трудная вещь... Конечно, в наш слабый развинченный век, когда многие не умеют даже как следует кататься на простом извозчике — этот спорт представляет некоторые трудности, но, конечно, не такого сорта, чтобы, отправляясь впервые на скетинг-ринг, — попрощаться с родственниками, написать завещание и затвердить наизусть последние предсмертные слова» [1, с. 8]. В дальнейшем эта связь поддерживается за счёт слов «асфальт» и «колеса/колёсики»: «вокруг асфальтовой площадки», «коньки сами ёрзали по асфальту», «тяжело опустил боком на асфальт», «пришлось коснуться спиной асфальта», «скользя по асфальтовой глади», «покатиться на этих колёсиках», «обязательно были на колёсиках» и др. Но вся эта система маркеров носит второстепенный характер и может быть без особого ущерба для текста заменена на традиционную модель «лёд / лезвия».

«Рекламная» составляющая рассказа Аверченко, заметная в журнальном контексте, фактически исчезает, когда мы читаем текст в составе сборника «Весёлые устрицы: юмористические рассказы». Рассказом «Без почвы» в сборнике завершается раздел «Около искусства», хотя к искусству катание на колёсных коньках особого отношения не имеет. Уже это в сочетании с не имеющим очевидной связи с текстом названием — «почва» в рассказе больше не упоминается даже в переносном смысле — создавала комическую дистанцию между автором и повествователем, которая не фиксировалась в журнале. Благодаря этой дистанции и общей тональности книги оценки в рассказе звучат скорее иронически.

В журнальном контексте и даже в книжном контексте в год издания сборника скетинг-ринг играл центральное место в рассказе, однако по прошествии времени он воспринимается лишь как одно из мест, где естественно возникновение комических ситуаций, — просто как каток, ничем принципиально не отличающийся от обычной ледяной площадки.

Источники и литература

1. Аверченко, А. Без почвы // Скетинг-ринг. 1910. № 1. 7(20)апреля. С. 8–9.
2. Аверченко, А. Рассказы (Юмористические). Книга вторая. СПб.: Шиповник, 1910. 201 с.
3. Аверченко, А. Шутка мецената: Юмористический роман. Прага: Пламя, 1925. 193 с.
4. Додэ, А. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сафо [роман] / Пер. с фр. А. Чеботаревской. М.: Изд. И. А. Маевского, 1914. 267 с.
5. Кузмин, М. Третья книга рассказов. М.: Скорпион, 1913. 435 с.
6. Лейкин, Н. А. Пух и перья: Рассказы / Рис. худ. А. И. Лебедева. СПб.: тип. Р. Голике, 1888. 183 с.
7. М. П. [М. И. Пинос?] Скетинг-ринг // Скетинг-ринг. 1910. № 1. 7 (20) апреля. С. 2.
8. Николаев, Д. Д. Аркадий Аверченко // Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 882–947.
9. Николаев, Д. Д. Первые книги Аркадия Аверченко: история изданий // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 518–540.
10. Пастернак, Б. Л. Люди и положения: Автобиографический очерк // Новый мир. 1967. № 1. С. 204–236.
11. Речь. 1910. № 49 (1287). 19 февраля (4 марта). С. 1.
12. Руль. 1910. № 214. 1 февраля С. 3.
13. Скетинг-ринг и его общественное значение / Сост. И. С. СПб.: тип. т-ва «Ш. Буссель н-ки», 1910. 61 с.
14. Скетинг-ринг: Самоучитель изящ. и фигур. езды на роликах. СПб.: Изд. Л. Б. Гарфельда, 1910. 90 с.
15. Скетинг-ринг: Руководство и правила: Сост. по нем. источникам / Л. С. Можаровский. Одесса: тип. газ. «Одес. Новости», 1910. 36 с. (Библиотека спортсмена; № 2).
16. Творчество А. Т. Аверченко в отзывах современников / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Д. Д. Николаева // Комическое в русской литературе XX века / Отв. ред. Д. Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 368–417.
17. Толстой, А. Н. Хождение по мукам. Рига: Грамату Драугс, 1927. 222 с.
18. [Торелли-Виолье, М.] Скетинг-ринг: Рассказ маркизы Коломби / Пер. с итал. М. А. Урусовой. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. 16 с.
19. Цехновицер, О. В. Литература и мировая война 1914–1918. М.: Гослитиздат, 1938. 432 с.
20. Чуковский, К. И. Лица и маски. СПб.: Шиповник, 1914. 355 с.